

ИМПЕРАТОРСКИЙ КЛУБ СЕВЕРНЫЙ ОГОНЕК

ДЕКАБРЬ—1982

Сверху посыпалась земля. В старой, пропахшей одним запахом берлоге, слабо освещенной солнечными лучами, что проникали сквозь обвалившийся лаз, закружились пылинки. Медвежонок сел, потер лапами нос и громко чихнул. Потом обошел берлогу, тщательно обнюхивая темные, в липкой паутине углы. Хотелось есть. Медвежонок зарычал басовито и обиженно. Но никто не отозвался. Он проворно вылез на поверхность, сбывая прошлогодние листья и сухую комкастую землю. В глаза ослепительно плеснулось

ЛАКОМКА

яркое весеннее солнце. Земля около берлоги пахла медведицей, и медвежонок обрадованно затрусил по следу. У реки знакомый запах вдруг оборвался, медвежонок растерянно побрел вдоль берега, а потом снова повернул в чащу. Чувство голода притупило бдительность. Поляна распахнулась неожиданно. Они замерли друг против друга — люди и медведь.

Татьяна Царенко родилась в замке. Старинном замке на Украине. Молодость ее прошла в Североморске, на берегу студеного моря. После недолгого проживания в Крыму, она вместе с семьей опять оказалась на Севере, в Сургуте. Ее жизнь настолько богата встречами с интересными людьми, настолько полна всевозможными переживаниями, что вполне могла бы послужить сюжетом для большого увлекательного романа.

Будет ли он написан? Кто знает... Пока же на страницах городских газет в виде маленьких новелл и рассказов, порой сказок и стихов публикуются его фрагменты. Читайте их! Они просты, как все талантливое, и талантливы, как все простое.

И КИРИЛЛОВ.

Татьяна Царенко

СКАЗКА ЦВЕТОК

Когда ночная прохлада осыпалась росой на деревья и травы, Цветок поднимал головку, раскрывал лепестки, смотрел в темное звездное небо. Звезды мерцали таинственно и недоступно. Потом небо бледнело, звезды тускнели. Дрема одолевала Цветок. Он склонял голову, лепестки его закрывались, и он уже не видел, как рождался день. Он спал.

Однажды Цветок проснулся, как обычно, потянулся и радостно закивал звездам. Где-то вскрикнула птица, но было так тихо, что этот звук упал в ночь, не родив эха. Вдруг откуда-то налетел ветерок. Взвешивая травы, мягкой ладошкой погладил Цветок и прилег у его ног. Цветку хотелось поговорить, и он сказал: — Какое красивое черное небо!

Ветерок поднялся и сказал снисходительно: — Ты ночной Цветок и никогда не видишь дня. Оно вовсе не черное. Голубое оно, небо! Но что я зря говорю. Тебе никогда не суждено увидеть солнце. Если ты хоть краешком глаза посмеешь взглянуть на него, ты умрешь.

Ветерок умчался куда-то в ночь, а Цветок задумался. Значит, кроме ночи, есть еще что-то. Есть солнце? Почему его нельзя видеть? И Цветок спросил у трав:

— Что такое солнце?

— О, нет ничего прекраснее солнца, — прошепестели травы.

— Я хочу его увидеть, — шепнул Цветок.

— Ты умрешь, умрешь, умрешь...

— Я хочу его увидеть, — думал Цветок, как только открывал глаза.

Это желание стало непреодолимым. Он не мог больше смотреть в темную бездну неба, не мог больше наслаждаться безмятежной тишиной ночи. Сказывается, есть что-то другое, неизвестное, прекрасное. «Пусть смерть, — думал Цветок, — но я все равно увижу». И он решился.

Когда небо поблекло и угасли звезды, а дрема стала смежать его веки, Цветок встряхнул головкой и с трепетом и страхом стал смотреть, как уползает сумрак.

— Ты умрешь, умрешь, умрешь, — с сожалением зашептали травы.

Но Цветок, весь трепеща, упорно смотрел в небо. И чем светлее становилось вокруг, тем сильнее во всем его хрупком стебельке рождалось желание увидеть.

Так вот оно какое небо! Есть ли еще что-либо прекраснее этого ослепительно голубого сияния? Он всегда думал, что трава черная и деревья черные. А теперь ошеломленный, с изумлением смотрел на зеленые, налитые летней силой утренние луга.

Вдруг что-то случилось. Откуда-то из-за горизонта в чашу неба плеснулось тихое алое

свечение. И все разгоралось, разгоралось. И Цветок понял, что сейчас что-то произойдет и что у него есть еще возможность спастись — закрыть глаза, и тогда все будет по-старому. Будут ночь, звезды, тишина.

— Ты умрешь, умрешь, умрешь, — чуть слышно шепестели травы.

Но Цветок уже не слышал их. Ему показалось, что он поднялся высоко над землей, и небо стало совсем близким. И в это мгновение ослепительно пылающий шар выкатился из-за горизонта. Цветок не понял, что умирает. Он смотрел в лицо огненному светилу и улыбался счастливо. А солнце, всемогущее и могущественное, плыло по небу, не замечая крошечный темно-голубой Цветок с увядающими лепестками.

РАССКАЗ МАРЬЯ

— Проходи, проходи, бабушка Поля, — радушно пригласила Марья замешкавшуюся у порога старуху. — Я тут стряпню затеяла, сейчас испекутся — погочую. Одной-то есть не больно охота, — говорила она, улыбаясь и поправляя мучной рукой выбившиеся из-под косынки волосы.

Старуха согласно закивала головой. — И не говори, девка. В одиночку какая еда? В куче голые щи за милую душу похлебаешь, а одному-то и мед не сладок.

Поначивая маленькой, словно усобшей головкой, она одобрительно следила за женскими живыми черными глазами, уютными в морщинах. Марья ловко подхватила противень с пирогами и задвинула в лпщаний жаром зев печи.

— Стрыкнула от печи! — сказала она, вытирая вспотевшее лицо чистой тряпичей. — Все больше на газовой...

Марья чувствовала, что старуха пришла неспроста. Жила она далеко и в гости к ней не хаживала.

— Дах вот я и говорю, девка, жить одной-то забко, — продолжала прерванный разговор старуха и внимательно посмотрела на женщину. Та грустно улыбнулась.

Гостья окинула глазами мохолом вытерла и уютную кухню, задержалась взглядом на фотографии Марьиного покойного мужа.

— Сватать я тебя пришла, вот делато какне, — наконец вымолвила решительно Марья веловко засмеялась.

— Это за кога же? — Хороший мужик. Я бы за плохого не посоветовала.

В глазах Марьи плеснула заинтересованность.

— Ивана Терехина знаешь? — спросила старуха.

— Не за него ли? — вскинулась женщина.

— За него, за него!

— Да ты что, бабушка?!

— А што? Чем он тебе не хорош? Что росто не больно вышел? Вот дело велико... Рон битюги кулачиши распустят... А этот... мухи не обидит...

— О чем ты, бабушка Поля? — Марья даже раскраснелась от волнения. — У него же дети... мал мала меньше... пятеро! Ну и женихи!

Старуха растерянно смотрела на женщину. Видимо, не ждала такого отпора.

— Ты бы поглядела на них! — горько молвила она. — Сердце кровью обливаеся...

Она торопливо, как-то боком прошла к двери. — Не обессудь старую дуру... — уже от порога вымолвила трудное.

Когда за ней закрылась дверь, Марья взглянула в печь, откуда пахнуло духом печеного хлеба. Придвинула пироги поближе к шесту. Пусть доходят. Ми-

того чистый стол.

— Очень мне надо, — пробормотала вслух почему-то сердясь на себя. — Тоже еще... Всех не обогреешь...

...Дом Ивана Терехина вынырнул из сумрака ярко освещенными окнами. Калитка бесшумно распахнулась, пропустила позднюю гостью. На окнах не было занавесок. Марья, крадучись, заглянула. Дети ужинали. Самый маленький в штанишках с одной лямкой сидел на коленях у отца и терпеливо ждал, пока ложка перекочет от чашки к его рту. Марья прижала сумку, в которой лежали конфеты, пироги и банка смородинового варенья...

...Шесть пар глаз метнулись ей навстречу. Хозяин засветился. Придвинул стул. Старшая Аночка бросилась за тряпичей.

— Митька залп, — сейчас вытру!

— Я на минутку! — чувствуя необычайное смятение, сказала Марья.

Она торопливо выложила содержимое сумки на стол. Дети, словно галчата, бросились в угощение.

— А спасибо кто скажет? — укорил отец. Они радостно в один голос ответили:

— Спасибо!

Только малыш топтался около Марьи. И вдруг изумленно и доверчиво пролетел: — Ма-ма!